

УДК 330.131.7

JEL Classification: C02, C13, C18

ФЕНОМЕН НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ И КОНЦЕПЦИЯХ¹

Е.А. Кузьмин

Уральский государственный экономический университет

E-mail: KuzminEA@gmail.com

Неопределенность является особой научной категорией. В противопоставление другим фундаментальным дескрипторам экономической науки к ней не применимы требования строгой выдержанности и точности. С эволюционным развитием представлений об экономической рациональности неопределенность наполняется с каждым разом новым, порой парадоксальным и отличным от предыдущего опыта содержательным наполнением. Именно на решение проблемы категоризации и постижения природы возникновения неопределенности направлено данное исследование. В научном обобщении и систематизации приводится комплексный взгляд на вопросы отождествления неопределенности со сменой экономических парадигм. Критический разбор доводов теорий и концепций в части роли неопределенности позволил проявить на свет ряд противоречий, сделать состоятельные выводы о характере распространения неопределенности в экономике.

Ключевые слова: неопределенность, экономический риск, самоорганизация, экономические школы (теории и концепции).

PHENOMENON OF UNCERTAINTY IN ECONOMIC THEORIES AND CONCEPTS

E.A. Kuzmin

Ural State University of Economics

E-mail: KuzminEA@gmail.com

Uncertainty is a special scientific category. In opposition to other fundamental descriptors of economic science do not apply to her insistence on strict consistency and accuracy. With the evolutionary development of ideas of economic rationality, uncertainty filled each time a new, sometimes paradoxical and different from previous experience meaningful content. Precisely in addressing the problem of categorization and comprehension of the nature of uncertainty directed this research. In the scientific generalization and systematization is given complex view of issues of identification uncertainty with change economic paradigms. Critical examination of the arguments in the theories and concepts of the role of uncertainty show several contradictions, make affluent conclusions about the nature of propagation of uncertainty in the economy.

Key words: uncertainty, economic risk, self-organization, economic schools (theories and concepts).

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект «Формирование методологии превентивного управления неопределенностью для гармонизации структурных изменений в процессе реиндустриализации экономики», № 14-32-01030.

1. Введение. Облик экономических концепций и теорий складывается в научном осмыслении окружающего мира, в тех ценностях и принципах рациональности действий, которые закладывает субъект в качестве ориентира собственного развития. Верное понимание субъективных условий эффективности стратегии поведения как неотъемлемого требования конкурентного превосходства среди других и одновременно того общего, что объединяет между собой гносеологические представления об экономике в целом, наталкивается на фундаментальную проблему раскрытия природы их возникновения, постижения путей и подходов «оптимальной максимизации» с удержанием опасностей и угроз такого маневра.

Смена представлений о рациональности действий чаще всего связывается с уточнением не только ценностей для субъекта, но и свойственных рисков, которые сопровождают процесс их получения. Неопределенность, будучи источником появления рисков и экономических благ в противоборстве неизвестности исхода успеха и неудачи, образует уже знакомый парадокс². Именно он очерчивает рамки допустимых отклонений развития, где верхняя граница неопределенности указывает на кризис саморазрушения, а нижний предел определенности – на кризис увядания. В этой связи концептуальное истолкование неопределенности является необходимым звеном научного обоснования авторских идей и гипотез, зарожденных в критическом анализе течений экономической мысли прошлого и современности. Эволюция взглядов и своеобразное понимание неопределенности в них позволяет расширить теоретический обзор исследования, сопоставить полученные ранее результаты³ с доводами известных экономических школ.

2. Неопределенность и экономические школы. Обращаясь к учениям периода конца XVII – начала XXI в., вопрос участия неопределенности так или иначе поднимался при обсуждении проблем «создания» экономического благосостояния государства. Несомненно, что условия его форми-

² Отмеченный парадокс столкновения неопределенности и определенности, подразумевающий фатальность крайних проявлений как полной детерминированности, так и абсолютного хаоса, назван нами парадоксом эгоизма роста. Его суть заключается в стремлении к росту, который подчас не имеет отчетливых ограничений. Подобный рост может быть плачевным в тех случаях, когда величина принимаемых рисков для его обеспечения превысит приемлемый порог, а следовательно, может привести к саморазрушению в порыве благогого стремления к развитию. Обратная ситуация складывается в отношении определенности: любой рост будет невозможен в известности будущего, хотя именно знание будущего составляет залог успешного исхода событий (но это допустимо лишь в ограниченности такого знания).

³ Для устранения недосказанности здесь и далее речь идет о видении автором процессов образования неопределенности как таковой (в фундаментальных причинах возникновения, функциях и роли неопределенности в экономическом развитии общества), об особенностях участия неопределенности в деле институционального конструирования (посредством транзакционных издержек), о механизме трансформации неопределенности в объективный риск, о воздействии неопределенности на формирование состояний экономической безопасности и устойчивости, а также других значимых аспектах методологии неопределенности, представленных в цикле авторских публикаций (см. подробнее: Кузьмин Е.А. Проекционность экономического механизма в процессах преобразования неопределенности в объективный риск // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2013. № 2; Kuzmin E.A. The nature and origin of stability in economic processes // Journal of international scientific researches. 2013. Vol. 5, № 1-2; Авдийский В.И., Кузьмин Е.А. Критериальные условия проявления устойчивости в экономике: индикативный параметр неопределенности // Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10, № 6; и др.).

рования обладают некоторой неопределенностью, так как именно тогда возможна экономическая выгода от совершения операций обмена. Тогда же становится возможным говорить и о неких критериях эффективности, в соблюдении которых продолжается устойчивый поступательный рост и достигается безопасность траектории экономического развития.

2.1. Меркантилизм. Для макроэкономики исходным пунктом научного обоснования источника экономической мощи стало удержание сначала денежного, а в последующем и торгового баланса, – в воззрениях видных представителей раннего и позднего меркантилизма. Акцент на рост профицита денежного и торгового баланса в качестве единственного аргумента экономического превосходства привел к крайнему протекционизму. По этому поводу предельно точно высказывается С. Н. Wilson, делая предположение об истинных мотивах «денежной одержимости». Согласно точке зрения С. Н. Wilson, «может быть, что денежные заботы меркантилизма... имеют свои корни в... неопределенности, в ограниченных знаниях о более эффективных и сложных концепциях денег и кредита» [28, p. 18].

С точки зрения рыночной экономики, отстранение от свободной торговли можно интерпретировать как желание ограничить не только потоки вывода капитала в любой его форме, но и как инструмент конкурентного подавления. В противовес этому стоит отметить, что численное разнообразие экономических агентов, когда свободная торговля имеет место быть, наоборот, является фактором проявления возрастающей неопределенности. Логичным будет сделать вывод, что неопределенность в экономической школе меркантилизма определяется исходя из сравнительных величин, которые, с одной стороны, способны указать на торговую активность иностранных участников на национальном рынке, а с другой – на экономическую мощь того или иного государства. Подтверждение сделанному выводу находится и в трактате Т. Mun «England's benefit and advantage by foreign trade, plainly demonstrated», являющегося одним из основоположников меркантилизма. Так, Т. Mun, следуя идее протекционизма, приводит пример сдерживания торговых отношений, когда сопредельное государство является более или менее сильным (в «чрезвычайных налогах на своих подданных» [21, p. 145]).

В микроэкономическом аспекте меркантилизма появляются, пожалуй, первые упоминания, что «принятие неизвестности [есть необходимое условие. – **Прим. авт.**] для продвижения своих усилий, что делает [возможным получение. – **Прим. авт.**] средств и дохода» [21, p. 122]. В таком случае неопределенность еще сложно отнести к следствию или причине тех действий, которые направлены на создание экономической выгоды. Доход или прибыль становятся результатом подобных действий, реализация которых подразумевает, с точки зрения Т. Mun, согласие, что исход будет неизвестен. По сути, это первые шаги в обозначении проблемы образования прибыли. Однако дальнейшего развития идей неопределенности в трудах Т. Mun проследить не удалось.

Сравнительный характер неопределенности поддерживается в исследовании еще одного яркого представителя школы меркантилизма. А. Montchrétien в «Traicté de l'oeconomie politique» приводит размышления относительно справедливой стоимости товаров и того, в каких условиях

возникает справедливая цена. По заверениям А. Montchrétien есть отчетливая «необходимость в постоянстве и неизменности» [20, p. 176]. Укрепляя вывод Т. Mun, можно сказать, что справедливая стоимость не может быть найдена в обратных условиях – неопределенности и неясности развития событий. В итоге принятие неизвестности по Т. Mun исключает достижение справедливой стоимости, и любая цена сделки, заключенной в условиях сколько-нибудь весомой неопределенности, есть цена несправедливая, а следовательно, в игре имеется победитель и проигравшие, где возникают прибыль одних и убыток (издержки) для других.

Особый интерес в работе А. Montchrétien вызывает попытка институционального объяснения феномена неопределенности. Аналогичная задача с успехом разрешилась только по прошествии трех столетий в исследовании D.C. North [22]. Внимание приковывают слова, составляющие связь неопределенности с дескрипторами, которые в состоянии ее уменьшить. Во-первых, «неопределенность ограничивается [общими или основными. – **Прим. авт.**] правами...» [20, p. 176]. Тезис во многом претензионный для раскрытия причин «сомнительности доходов» в рамках меркантилизма. В то же время он поддерживается во взглядах современных ученых на роль институтов, которые структурируют взаимодействия между экономическими агентами, создают правила и нормы поведения. Следование им снижает сложность и непредсказуемость развития. Во-вторых, права, о которых упоминалось ранее, закрепляются в контрактах. Неприсязательная, на первый взгляд, роль и место контрактов в работе А. Montchrétien ассоциируется с обеспечением достигнутых соглашений между сторонами, дабы избежать ситуации, когда «доходы ренты сомнительны» [Ibid.]. Именно ожидания неизвестности, опасность снижения стоимости товаров, вынуждают к тому, чтобы условия по А. Montchrétien были «тверды и непоколебимы» [Ibid.]. К сожалению, на этом сходства с институциональной теорией завершаются. Но имеются другие косвенные упоминания о факторах неопределенности, как, например, то, что «многие принимают возможность работать неправильно» [20, p. 175] – как рационального основания к изменению модели поведения.

2.2. Физиократы. Выдвинутое в исследованиях Т. Mun и А. Montchrétien требование к постоянству и неизменности условий среды находит свою поддержку в экономической школе физиократов. Однако стоит сразу оговориться, что постоянство и твердость условий, хоть и желательно (как в случае) для получения дохода или определения справедливой стоимости, но не может в действительности служить в интересах того же самого экономического обмена. При всей справедливости суждений Т. Mun и А. Montchrétien в расчет не берутся последствия полной определенности среды, уничтожающие возможность появления прибыли.

Ставший известным постулат теории физиократов в словах W.S. Jevons о R. Cantillon, что земля «является источником и материальным основанием, из которого создается богатство... а человеческий труд является формой, производящей богатство, а само богатство есть ни что иное, как средство существования, удобства и жизненного комфорта» [14], позволяет в несколько ином ракурсе рассмотреть феномен неопределенности. Ведь земля и человеческий труд являются данностью, которая по своей сути не-

изменна, и становятся тем допущением, абстрагироваться от которого невозможно. По-видимому, единственный остающийся вопрос может быть сосредоточен в их качественных характеристиках. Но приведенный постулат физиократов не так ограничен, как может показаться. Было бы ошибочно предполагать, что прочие аспекты отношений не влияют на формирование богатства. Даже если принять за верное то утверждение, что только земля есть источник богатства, принимающего форму некоторого продукта человеческого труда, то простое накопление данных продуктов не может привести к накоплению богатства. Эту роль выполняет экономический обмен, лишь в обмене создается стоимость. Возможность совершения обмена, его свобода и предсказуемость является отражением спокойствия и безмятежности экономической среды, где всякая неопределенность затрудняет обмен, сводит его к минимуму.

Удачным примером необходимости постоянства условий является стабильность фискальной политики, на которую указывает Г. Пиггс. В обращении к трудам А. Smith, J. Bentham и F. Quesnay проводятся параллели в части налогов, которые, «во всяком случае, должны быть определенными... или легкоуловимыми» [1, с. 23]⁴. При этом неизменность налогов является компонентом не столько определенности среды, хотя поведение и деятельность экономических субъектов находятся в обусловленной зависимости от управляющих параметров, к которым относятся фискальное регулирование, сколько отражает выдержанность правил, их стройность и непротиворечивость. Поэтому было бы логичным и совершенно естественным сделать вывод, что с точки зрения физиократов неопределенность подразделяется на неопределенность среды в непосредственной коммуникации между агентами и неопределенность относительно государственного вмешательства в экономические процессы.

Особый интерес вызывают размышления о природе неопределенности, точнее об информационной подоплеке данного явления. В исследовании F. Quesnay, выдающегося ученого своего времени, основоположника учения физиократии, дается развернутое обоснование философской категории достоверности знаний. Разделяя достоверность на два вида – веру и очевидность, F. Quesnay дает емкое определение каждого. Так, «...вера сообщает нам истины, которые не могут быть постигнуты светом разума. Очевидность ограничена естественными знаниями» [23, р. 146]. С позиции современного трактования истины становится видно, что знания веры не есть знания априори правильные и в какой-либо степени достоверные. Скорее, это знания субъективного восприятия, доказать или опровергнуть которые на данный момент времени, по крайней мере, затруднительно, а в некоторых случаях невозможно. Квинтэссенцией мысли F. Quesnay стало своеобразное видение очевидной достоверности, под которой понималась «невозможность отказаться от себя, как и невозможность игнорировать наши ощущения, переживания в настоящем» [Ibid.]. Неопределенность в таком случае противопоставляется очевидности – тому, что на самом деле лежит

⁴ Интересно, что в этой же работе Г. Пиггс указывает точную дату зарождения научного течения физиократов: «...основание школы... было положено на собрании, происходящем в июле 1757 г.» (с. 19).

на поверхности восприятия. Обстоятельная аргументация идеи F. Quesnay, заключается в более чем 55 положениях⁵, так или иначе раскрывающих суть «очевидных естественных знаний» [23, р. 147], пути их становления из наблюдений за действительностью.

Все это позволяет говорить о том, что неопределенность в воззрениях представителей экономической школы физиократов имеет как минимум две интерпретации. С одной стороны, неопределенность есть нечто происходящее вокруг самого наблюдателя – субъекта, тот процесс и цепочка случайных и во многом неизвестных событий, которые возникают в силу изменения устоявшегося порядка вещей. С другой стороны, в ключе традиционного понимания, неопределенность связывается с нехваткой информации, вернее с отсутствием достоверности суждений. Просматривающееся в концепции физиократов упущение, подразумевающее причисление знаний о вере к истинным знаниям бытия (F. Quesnay), которые могут снять неопределенность, не отвергает и не умаляет справедливости предположения о достоверности данных наблюдений. Тогда можно с уверенностью говорить о том, что неопределенность как экономическая категория, начиная с учения меркантилистов и физиократов, закрепляется и утверждается в сознании не только как обыденное отсутствие знаний о происходящих явлениях в значении меры информации, но и как отражение изменчивости мира, непостоянство условий, в которых собственно и рождается возможность получения прибыли.

2.3. Классическая политическая экономия. Более широких взглядов на неопределенность придерживается классическая политическая экономия. В жесткой критике учения физиократов и отчасти меркантилистов, одновременно вобрав накопленный к тому моменту теоретико-методологический опыт, A. Smith, T. Tooke, R. Torrens, T. R. Malthus и многие другие последователи идей экономического либерализма представили иной взгляд на рациональность поведения.

Во-первых, устанавливается примат «свободного состояния торговли, конкуренции всех других наций» [25, р. 105]. Свободная торговля и отсутствие государственного вмешательства являются залогом самоорганизации экономики, достижения истинного баланса интересов. Но стоит отметить, что самоорганизация, будучи врожденной способностью и свойством экономического механизма, проявляет всю свою силу в моменты обострения неопределенности. Так как самоорганизация возникает в ответ на неопределенность, полная экономическая свобода может быть губительной для развития системы: она начинает приобретать черты хаоса уже не свободно, а случайного блуждания. Таким образом, неопределенность приближается к тому положению, в котором предстает как естественный ограничитель управляемости и стабильности. Однако к такому выводу ни A. Smith, ни T.R. Malthus еще не приходят.

Во-вторых, классическая политическая экономия не отвергает сложившегося и уже конвенционально принятого тезиса, что неопределенность есть неизвестность в самом общем смысле. Неоднократные упоминания

⁵ Их общее количество в работе F. Quesnay трудно определить однозначно в силу наличия весомых доводов за рамками нумерованных положений, которых насчитывается 56.

встречаются в различных трудах. Так, А. Smith считает, что «налоги, которые каждый индивидуум обязан уплатить, должны быть уверенными, а не произвольными» [25, р. 307]. Уточняя уверенность налогов, А. Smith обращает внимание на такие характеристики, как время платежа, порядок и их размер, которые должны быть ясны всем. Последствия могут «усугубить налог», спровоцировать, по заверениям А. Smith, «дерзость и коррупцию».

Вместе с тем неизвестность распространяется не только на будущее, но и на прошлое, к чему склоняет Т.Р. Malthus. В оценках народонаселения прошедших периодов, когда делается «предположение, что доля рождений [рождаемость] всегда будет почти той же самой... будет проявляться и неопределенность» [16, р. 218]. Это подтверждает мнение об ограниченности знаний о происходящих явлениях и процессах окружающего мира. Наблюдения становятся недостаточными для того, что понять причины и движущие мотивы таких явлений, а самое главное, механизм их протекания.

В-третьих, неопределенность начинает опосредованно отождествляться с риском. С одной стороны, риск присутствует на новых рынках. Без принятия риска «создание новой продукции... нового производства... [и влияние. – Прим. авт.] нового капитала...» [25, р. 105] немыслимо. С другой стороны, Т.Р. Malthus, говоря об эмиграции, а следовательно, и о новых рынках, упоминает, что «сомнения и неопределенность всегда должны присутствовать» [16, р. 291], в опасении того, что «представления о высокой цене рабочей силы или дешевизне земли» [Ibid.] неточны или ложны. Они выступают в качестве потенциальных ожиданий или тех идеализированных условий, к которым стремится экономический агент. Отступление от них будет выражением неопределенности, что позволяет сделать вывод о проявлении иного аспекта, ранее не прослеживающегося в течениях экономической науки. Неопределенность становится неким отражением состояния как системы в целом, так и субъекта по отношению к идеальным или ожидаемым условиям. В итоге подчеркивается двойственность умозаключения, в котором одновременно получают теоретическое обрамление ряд положений о неопределенности: в качестве отклонения и в значении атрибутивного источника рисков.

В-четвертых, отрицание со стороны классической политэкономии, что «прогресс был неограничен или [имел] неопределенный срок» [16, р. 269], подводит к предположению о предельности развития. В части неопределенности такое допущение является принципиальным. Именно в нем становится очевидным, что управление как способность целевого воздействия также обладает ограничительными возможностями. Основная причина этого заключена в нарушении причинно-следственных закономерностей, благодаря которым на управленческий акт должна возникнуть предполагаемая и соответствующая ему ответная реакция. При усилении неопределенного напряжения обратные связи теряются, тем самым не позволяют проводить как таковое целевое управление. В итоге, неопределенность по праву становится естественным ограничителем управляемости и стабильности, – видение которого было намечено в трудах А. Smith.

2.4. Марксизм. Ставшая на длительное время основной экономической парадигмой конца XVIII – первой половины XIX в. классическая политическая экономия уступила во взглядах теоретической концепции марксиз-

ма. С легкой руки А. Smith марксизм развил трудовую теорию стоимости, сделав упор на учении прибавочной стоимости – политической экономии капитализма. В раскрытии ее особенностей и отличительных черт становится возможным проследить позицию К. Маркса и Ф. Энгельса в отношении неопределенности и риска, на который вынужден идти «капиталист».

В обосновании прибавочной стоимости как количества труда рабочего, приложенного к материалу, К. Маркс дает определение прибыли, которая составляет одну из ее частей: «Прибыль капиталиста проистекает из того, что он, не оплатив часть содержащегося в товаре труда, тем не менее, продает его» [3, с. 46]. Аналогичный довод прослеживается в словах Ф. Энгельса, с тем дополнением, что «...из продажи того, что не оплачено, и проистекает нормальная прибыль» [5, с. 322]. Но с этим бывает сложно согласиться. Во-первых, неоплаченный труд лишь выглядит таковым, поскольку баланс авансовых затрат и доходов не является изначально сведенным. В нем до определенного момента не учитывается труд самого предпринимателя, усилиями которого стала возможна организация производства, придание новой, дополнительной ценности ранее разрозненных ресурсов в ловком и удачном их объединении на решение прикладной задачи. И главное, во-вторых, если труд рабочего, да и сама его деятельность лишены опасности или угрозы, что он, с одной стороны, будет оплачен (при прочих равных условиях), а с другой, – что произведенный товар будет принят заказчиком (в данном случае нанимателем), то деятельность этого же предпринимателя сопряжена с множеством рыночных и нерыночных рисков. Премия за риск является дополнительной платой за усилия, которые могут быть не только тщетны, но и могут иметь негативные последствия в снижении рыночной стоимости товара, включенные затраты производства которого станут выше этой цены. Здесь стоит обратить внимание, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают риск более консервативно. По их мнению, «...риск [заключается в том], будет ли она [продукция/товар. – Прим. авт.] продана по своей стоимости, выше или ниже стоимости. Риск – совсем не продать ее, совсем не превратить ее обратно в деньги»⁶.

Трудовая природа стоимости поясняет происхождение прибыли, когда всяческий риск отсутствует. Иными словами, организация производства и последующая продажа товаров не будет наталкиваться на преграды неизвестности исхода, любой риск будет сведен на нет, что в реальных условиях невозможно. Именно в полной определенности труд становится как бы неоплаченным (по К. Марксу), а точнее, плата за товар будет содержать сверхнормальную прибыль, которая при отсутствии рисков сводится к рутинному труду «капиталиста» по продаже товаров. В силу своей обыденности и нетривиальности такой труд должен быть ничтожно мал в сопоставимой оценке его стоимости к стоимости овестьствованного труда рабочих, вложенного в создание продукта. Для достижения баланса согласно концепции К. Маркса и Ф. Энгельса, цена на товар должна исключить сверхнормальную составляющую, образовавшуюся в результате мнимого придания большей ценности товару, нежели того уровня, который он [то-

⁶ См. подробнее: Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Т. 1. С. 89; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. 1. С. 319 ; и др.

вар. – **Прим. авт.**] в действительности способен нести. Думается, что только при неопределенности может возникнуть ситуация, когда продукт содержит в себе труд меньший по стоимости, чем его цена. Стоит сказать, что аналогичное встречается и в условиях умеренно полной определенности⁷, когда обстоятельства субъективного восприятия создают завышенную стоимость. Но выделить из стоимости товара тот труд, который идет на оплату риска и неизвестности как премии за возможность участия в экономической рулетке, и того труда, тех усилий, неординарных навыков и умений предпринимателя, является весьма затруднительно. Оставшиеся в стороне исследования прочие равные условия, преобразование которых приводит к неопределенности особого рода, можно встретить в отстраненных примерах о двойственности продолжительности рабочего дня: «рабочий день может быть определен, но сам по себе он – неопределенная величина, [где есть время для] постоянного воспроизводства самого рабочего, и... величина, изменяющаяся с длиной, или продолжительностью, прибавочного труда» [2, с. 219].

Таким образом, неопределенность и риск в воззрении марксизма имеют природу обыденных вещей, сопоставимых с неизвестностью, неясностью и неточностью исхода с тем отличием, что риск приобретает вполне отчетливый вес в стоимостном измерении ущерба.

2.5. Неклассическая экономическая теория. Фокусируя внимание на поведении индивидуума, так называемого *homo economicus*, неоклассики устанавливают принцип личностной рациональности, который движет каждым экономическим субъектом. Отчаянное увлечение неоклассической школой маржинализмом имеет под собой как ряд значимых аргументов, но не исключает и некоторые допущения, усугубляющиеся односторонним и достаточно узким взглядом на проблему неопределенности в экономике. Обобщенные положения о неопределенности сводятся к следующим моментам.

Во-первых, права собственности или имущественные права находятся в тесной связи с неопределенностью. С одной стороны, вектор экономического развития сдерживается неизвестностью, «поскольку все будущие со-

⁷ Умеренно полная определенность в представлении автора есть особая форма определенности, когда возникающая неясность и неточность может быть разрешена путем направления соответствующего запроса. Иными словами, это полная определенность по требованию. Случаи и моменты неизвестности сохраняются до того времени, пока по ним не возникнет запрос, ответ на который получается почти мгновенно, что и позволяет говорить о состоянии определенности, а никак иначе. Идеалистическое разделение утопии определенности на абсолютное знание, возникающее в силу наличности вещей, и то знание, которое появляется в необходимости, позволяет построить теоретическую модель обоснования трудовой теории стоимости продуктов (товаров, услуг) и экономической выгоды, возникающей в их продаже. В противном случае концепция К. Маркса и Ф. Энгельса не выдерживает критики «неоплаченности труда» в определении прибыли, поскольку прибыль это некая ценность, имеющая стоимостной эквивалент, где одновременно присутствуют плата за особый труд предпринимателя и премия за его усилия, которые в случае неудачи будут тщетны. При прочих равных условиях такой премии лишены рабочие, непосредственно создающие продукт в его материальной или нематериальной форме, но именно действия предпринимателя и нужды рынка придают данному товару потребительскую ценность и соответственно стоимость (рыночную). Думается, замечания автора весомы в пояснении роли неопределенности, выступающей в качестве фона экономической игры, платы или ставки за участие в ней при отсутствии гарантий победы.

бытия являются неопределенными» [11, р. 22]. Сдерживание позволяет «не считаться с элементами случайности» (I. Fisher). С другой стороны, права не только закрепляют ограничения этой случайности в придании границ дозволенного поведения, но и дают дополнительное «право на шанс – получить все или некоторые будущие... богатства» [11, р. 22] от собственности.

Возникающие как результат приобретения имущественные права в виде стоимости «означают жертву, а не избыток» [9, р. XV], чем отличается неоднозначность трактовки категорий покупателя и продавца. Совершение сделки трансформирует неопределенность в отношении одного объекта другим, изначально в меньшую сторону для продавца (неопределенность денег меньше неопределенности любого иного материального или нематериального товара). Отсюда можно предположить, что любая транзакция есть приобретение и предмета сделки, и неопределенности, которой данный предмет обладает. В видении автора такое приобретение в силу субъективности знаний непропорционально.

При обращении к экономической транзакции с точки зрения не только обмена как такового, но и закрепления в ней прав, возникает необходимость всеобщего их признания. Ранее обособленная транзакция как бы встраивается в единый массив сделок, объединенных рядом единых условий и практикой разрешения споров. Думается, каждая новая транзакция при неизменности объема создаваемых благ на рынке и иных прочих равных обстоятельств снижает неопределенность будущего состояния. Проекционно развиваясь, неопределенность среды «снимает» неопределенность прочих видов, таких как неопределенность принятия решений и их последствий. Ведь волевое «изменение обстоятельств... почти всегда сопровождается изменением в субстанции обычаев, что, как правило, почти неизвестно, и без каких-либо изменений в форме...» [18, р. 14].

Во-вторых, неоклассическая экономическая теория видит в неопределенности не только «зло само по себе» [18, р. XXV], но и незримые на первый взгляд возможности. Может возникнуть иллюзия, что неопределенность, напротив, является только «сдерживающим началом» [17, р. VI. III. 23], но комплексный взгляд не может обойти своим вниманием ее побудительные мотивы. Именно они расширяют возможности экономической игры, повышают ставки участия в ней вместе с ростом потенциального успеха. Опыт неоклассиков говорит скорее о выборе стабильности и постоянства в экономическом развитии, «...поэтому неопределенность, если она не вызывает к большим амбициям и возвышенным устремлениям, обладает особой привлекательностью лишь для очень немногих» [Ibid.]. Хотя было бы верным сказать, что неопределенность и соответствующие ей риски создают право на шанс (I. Fisher). Только в условиях неопределенности появляется возможность и происходит развитие экономической и иной стороны жизни общества. Но особенно важно, что в тезисе А. Marshall, пожалуй, впервые закрепляется неоднозначность целеполагания, когда толерантность или приверженность к неопределенности подразумевает стремление либо к ее снижению, либо, напротив, как это ни парадоксально, к ее увеличению.

Риск, ставший априорным следствием неопределенности, сопровождает все экономические операции. Если в марксизме риск сводится минимум к двум случаям, когда стоимость будет выше или ниже стоимости потрачен-

ного труда и когда сделка продажи не состоится, то неоклассическая экономическая теория исходит из того, что «любые фактические продажи – это абсолютный факт, и нельзя сказать, что есть какие-либо неточности» [11, р. 16], весь риск есть риск уровня цен, при которых транзакция может произойти. Но исключаемая вероятность отказа от сделки подменяется заведомо ущербным выбором – продажей товара или услуги с убытками. На это указывает I. Fisher, подразумевая единственный компромисс, что «цена, по которой мы оцениваем, что вещь будет продана при определенных условиях, всегда является неопределенной» [Ibid.]. Имеющие место противопоставления определенности как причины и неопределенности как результата (или наоборот) усиливаются в тех выводах I. Fisher [11, р. 266], что нет таких экономических объектов, которые являются полностью свободными от риска, и того заключения, что будущее и все события в то же время «полностью свободны от неопределенности» [11, р. 265]: «...в стороне от человеческого мнения нет такой вещи как шанс. Всеведущее существо определяет все» [11, р. 266]. Понимание риска в неоклассической экономической традиции сводится к неизвестности только некоторых сторон вполне однозначного события (например, факта сделки и неопределенности значений ее цены). При этом управление риском предполагает пять основных способов воздействия, в том числе на неопределенность. Их подробному разъяснению посвящена глава «Элемент риска» в работе I. Fisher «The nature of capital and income» [11, р. 265–300].

В-третьих, оценка неопределенности, как и любая другая, не лишена погрешностей расчета или прочих ошибок, влияющих на итоговую величину неопределенности. То же справедливо и в отношении риска. Поправка исчисления или ошибка неопределенности просматривается во многих подходах неоклассиков к расчету: предельной полезности, удаленной во времени (А. Маршалл [6, с. 186]), как объективного и субъективного свойства восприятия; средних доходов, связанных с известным риском (А. Marshall [17, р. V.VII.17]), в качестве скидки на неопределенность, а не на риск; капитала (богатства в немедленном или будущем потреблении) и процентов между настоящей или будущей их стоимостью (Е. Von Bohm-Bawerk [9, р. XIV, XIX]) в «равном количестве и не равной ценности» [9, р. 49] обоих, и т.д.

Таким образом, в объяснении рациональности поведения неоклассическая экономическая теория при трактовании неопределенности базируется на ряде допущений. Неопределенность в русле неоклассического мейнстрима вбирает в себя возможности, которые стоят перед каждым экономическим агентом. В этих возможностях очерчивается предрасположенность к неизвестности и неточности, которая ранее отвергалась экономической наукой. Все усилия были направлены на минимизацию подобного воздействия – на принятие или снижение риска. Однако расширение восприятия позволяет сделать вывод, что существует приверженность к неопределенности, являющаяся одной из скрытых целей существования и функционирования экономического субъекта. Здесь же обращает на себя внимание то утверждение А. Маршалла, в котором он отвергает однозначность трактовки неопределенности, «...поскольку действия людей столь разнообразны и неопределенны, самые лучшие обобщения тенденций, какие может

сделать наука о поведении человека, неизбежно должны быть неточными и несовершенными» [6, с. 88]. В этом кроется сакраментальный смысл истолкования неопределенности как экономической категории, для которой не представляется возможным дать точное и в полной мере универсальное определение.

2.6. Кейнсианство. Особое место при изучении неопределенности занимает явление макроэкономического равновесия. Само по себе равновесие проявляет обратное состояние – определенность экономической структуры, хоть и временную. Именно макроэкономическое равновесие находится в центре внимания научной концепции J.M. Keynes и его последователей. Однако в отличие от неоклассической экономической теории⁸ кейнсианство отвергает устойчивый баланс полной занятости, цен и производства, которые в действительности неравновесны. Подтверждение этому можно найти в исследовании J.A. Schumpeter и A.J. Nichol, которые считают необходимым уточнить: «...наш анализ равновесия [служит] инструментом для анализа хронических диспропорций» [24, р. 256]. Негармоничное развитие экономики показывает участие неопределенности в попытке самоорганизации тех или иных процессов.

Принимая на себя функцию макрорегулятора государство должно стимулировать должное поведение. Такой формой воздействия в концепции J.M. Keynes становится воздействие на спрос, а точнее, на склонность к потреблению, сбережению и инвестициям. Интересным в данном ключе является вывод, что при открытости теории экономического поведения логика выбора ограничена (G.S. Becker⁹). Неизвестность будущего не позволяет отказаться от гарантов, снимающих риск и угрозы утраты доходов, чью роль выполняют сбережения. Таким образом, они не дают в полной мере реализоваться совокупному спросу для достижения равновесия на рынке.

По этому поводу J.M. Keynes, приводя факторы, способные повлиять на совокупное потребление, отмечает минимум три, которые напрямую связаны с неопределенностью различного рода: «непредвиденные изменения в ценности капитала» [15, р. 84], «изменения в налоговой политике» [15, р. 86], «изменения предполагаемого отношения между текущим и будущим уровнями дохода» [15, р. 87]. Приобретая вид ожиданий, далеких от истинности знания, каждый из этих факторов влияет на формирование потребительского поведения, снижая или повышая активность спроса. При этом любое ожидание есть некое идеалистическое состояние системы, где отклонения от заданного курса воспринимаются как объективный риск. В этом подчеркивается известное положение о неопределенности, являющееся закономерным отражением таких условий. С одной стороны, в поддержку этой точки зрения говорится, что только в определенности возникает

⁸ В объединении различных рынков (капитала, труда, товаров и услуг) для поиска равновесия неоклассическое учение исходит из их единства в участниках, которые только меняют свой статус между рынками. Баланс достигается в регуляции расходов и доходов путем гибкости ставки процента, эластичности цен и заработной платы.

⁹ См. подробнее: Becker G.S. The economic approach to human behavior. University of Chicago Press, 1976; Idem. Nobel Lecture: The economic way of looking at behavior // Journal of political economy. 1993. N 101.

равновесие¹⁰. Как считает J.M. Keynes, «в мало меняющемся обществе или в обществе, где по любой другой причине ни для кого не существует неопределенности относительно будущих норм процента, функция ликвидности, или склонность к тезаврированию, всегда будет в состоянии равновесия...» [15, р. 188]. С другой стороны, только неопределенность создает риск, выступает его атрибутивным источником образования. Отсюда вытекает необходимость «компенсации за риск, связанной с неопределенностью того или иного рода» [15, р. 163]. И в то же время очерчивается положение о неопределенности как неотъемлемого фактора возникновения риска, который посредством промежуточных звеньев создает объективную угрозу. Уход от опасностей и рисков будущего предполагает компенсацию за риск, включенную в состав долгосрочных издержек. J.M. Keynes подразумевает под ней «денежную сумму, необходимую для того, чтобы компенсировать возможные непредвиденные отклонения действительной выручки от ожидаемого валового дохода – ...издержки риска» [15, р. 61].

Отдельный вопрос сосредоточен в источнике неопределенности. Видя в государстве инструмент сглаживания и сдерживания экономических стимулов спада и роста, J. M. Keynes воспринимает этот факт как вынужденную необходимость. Роль государства не оспаривается, а подтверждается, потому источником неопределенности, неясности (что будет достигнуто волевое решение регулирования), оно по определению быть не может. Вопреки расхожему мнению (Ар.А. Краснов, Г.А. Краснов, Ал.А. Краснов¹¹ и др.), что неопределенность пробуждается в действиях государства, мы склонны полагать обратное. Государство, напротив, создает или стремится создать определенность в наложении модели поведения, тогда как рынок не способен к самоорганизации, в реальности именно он становится двигателем неопределенности¹². Блуждание вокруг равновесия есть движение неопределенного характера. Во многом эта мысль развивается в теории институционализма, подходящего к неопределенности с точки зрения структурирования повседневной жизни.

¹⁰ Вся выдержанность научного обоснования равновесности экономики, даже при принятии известных допущений, не может считаться приемлемой целью развития. В ней фиксируется достигнутый уровень экономики, закрепляются потребности, факторы и ресурсы производства, численность экономических субъектов и не только количественно, но и качественно. Экономическая система замирает в динамике своего движения. Определенность, как и неопределенность, в чистом виде пагубна в своем проявлении.

¹¹ См. подробнее, например, публикации данных авторов в Журнале экономической теории ИЭ УрО РАН за 2009 г.

¹² Стоит учесть, что создание и внедрение со стороны государства модели поведения, с одной стороны, представляет собой выполнение возложенной в коллективном договоре функции по стабилизации экономического развития, а точнее – создания твердых условий развития, чем по сути и является модель поведения для всех участников социально-экономических отношений. С другой стороны, предлагаемая модель неизбежно сменит собой модель более несовершенную, но частое их обновление (полное или частичное) является источником значимой неопределенности особого рода. В результате действия государства могут быть направлены на придание определенности только до того момента, пока не будет внедрена новая модель поведения. Причем моментный всплеск неопределенности, сопровождающий смену одной модели другой, может происходить как осознанно (в государственном вмешательстве), так спонтанно, путем резкого проявления самоорганизации в ответ на критическое накопление неопределенности, которая способна вывести экономическую систему из строя.

2.7. Институциональная экономическая теория. Комплексный взгляд институционализма, не ограничивающийся анализом и интерпретацией экономических категорий, раскрывает внеэкономическую подоплеку обусловленности поведения. Через формальные и неформальные нормоимперативы создается общность интересов отдельных групп – их упорядочение с целью снижения врожденной неопределенности действий индивидуума и коллектива. При этом вклад экономического субъекта в окружение себя неопределенностью не утрачивается.

Как и прежде, любое развитие или движение к экономическому благосостоянию – это развитие в условиях неопределенности. Получение прибыли становится возможным при принятии неопределенности, о чем упоминается в работе Т. Veblen, где «коммерческие предприятия, состоящие в отношениях с рынком [соглашаются на игру, которая. – Прим. авт.], есть более или менее неопределенность в отношении исхода» [26, р. 165]. Эта же неопределенность приобретает форму объективного риска, который в разных исследованиях обозначается как риск спекулятивный. Т. Veblen приходит к мысли, что спекулятивный риск существует произвольно. Однако автор считает такой вывод отчасти лишенным своей продуктивности и верности. Можно согласиться, что риск есть общеэкономический фактор сдерживания, фиксации. Но в его отсутствии, т.е. при определенности состояния системы, импульсы роста угасают в рутине, к чему приходит и Т. Veblen [27, р. 211] в анализе денежных операций. Неопределенность и соответствующие ей риски пробуждают экономическую привычку, дают толчок к развитию отношений, появлению новых форм взаимодействия.

Институционализм в противовес неоклассической экономической теории (А. Marshall) не видит в неопределенности тех возможностей повышения «ставки», которые подразумевают приверженность к неизвестности и неточности, а не отказ от них. Решение этого вопроса не является столь очевидным. Обзор публикаций видных представителей школы позволил выявить умозаключения, которые вместе с тем не отвергают роли неопределенности как побуждающего мотива. Так, J.K. Galbraith в продолжение идеи дестимулирующего фактора неопределенности считает, что развитие современного предприятия «может быть понятно только как всеобъемлющие усилия по снижению риска» [13, р. 83]. При этом «фирмы решительно избегают поведения [т.е. изменения. – Прим. авт.] цены, которые будут способствовать неопределенности для всех»¹³. По мнению автора, колебания и волатильность цен действительно создают неопределенность, но только тогда возможно получение сверхнормальной прибыли, как впрочем и убытка. Объяснение уклончивости с точки зрения институционализма дает Т. Veblen в одной из глав «The theory of the leisure class», посвященной вере в удачу. Он поясняет, что «главным фактором в азартной игре является привычка, [усиленная] верой в удачу» [27, р. 276]. Вросшая в геном homo economicus привычка ставки [27, р. 277] проявляет антиномичную потребность неопределенности в определенности экономической действитель-

¹³ Ibid. К слову, нежелания испытывать превратности неопределенности колебания цен привело экономистов к рассмотрению «управления ценами как исключительное значение».

ности. Это, по мнению автора, является косвенным подтверждением, что неопределенность обладает импульсным началом.

Борьба с неопределенностью в планировании экономической деятельности в раннем институционализме Т. Veblen находит поддержку со стороны W.C. Mitchell [19, p. 17]. Вместе с тем в обзоре научных публикаций W.C. Mitchell отмечает наличие особого акцента в исследованиях бизнесциклов, где «неопределенность только предоставляет возможность для действия других факторов, которым придается большее значение» [Ibid.]. Из высказывания W.C. Mitchell можно сделать вывод, что двойственность проявлений неопределенности (как источника опасностей и возможностей) была известна ранее, но веские доказательства согласия последователей институциональной школы с такой точки зрения отсутствуют.

Поиск определенности в решении задачи, которая образно возникает в ситуации, «приводящей к альтернативам пере- или недопроизводства товаров» [19, p. 52], направлен на объяснение сменяемости периодов кризиса и относительно благоприятного роста. Каждый из них возникает на фоне резких колебаний в торговле (W.C. Mitchell), когда основная причина заключена в спекулятивных операциях, притом массовых: «тенденции массовых движений покупки и продажи в значительной степени усиливают неопределенность относительно планов друг друга» [19, p. 17]. Погрешности субъективного восприятия развиваются и распространяются на другие группы, что знаменует собой возникновение ошибок оптимизма и пессимизма, «которые рождают друг друга в бесконечной цепи» [19, p. 18]. Таким образом, «...процветание заканчивается кризисом. Ошибки оптимизма умирают в кризис, но, умирая, они рождают ошибку пессимизма» [19, p. 19]. Отчасти идеи институциональной школы, охватывающие вопросы пояснения циклических колебаний экономики и ее нормативного регулирования, способного, по крайней мере, снизить неопределенность, нашли свою поддержку в научном учении монетаризма.

2.8. Монетарная экономическая теория. Зародившаяся в трудах М. Friedman и R. Friedman экономическая школа монетаризма видела наиболее перспективным подходом следование «общим правилам, которые ограничивают государственную власть» [12, p. 304]. Отстраняясь от формализованного участия институтов (а собственно, и государственного участия) в регулировании рыночного хозяйства, монетаризм устанавливает примат самоорганизации экономики (проверки на самоорганизацию в балансировке экономических агрегаторов в понятиях дефицита, долга и процентных ставок по К. Brunner и А. Н. Meltzer¹⁴), с тем единственным исключением, что эквивалентность обмена поддерживается денежным обращением со стороны государства. Как и в других научных теориях и концептуальных взглядах на экономику, «принятие риска является сущностью частного предпринимательства» [12, p. 222], что без какой-либо условности разделяется М. Friedman, R. Friedman и продолжателями их идей.

Особенную важность, в принципиальном отличии от институционализма, приобретают слова, раскрывающие во многом дуалистический харак-

¹⁴ См. подробнее: Brunner K., Meltzer A. H. Money and the economy. Issues in monetary analysis. Cambridge University Press, 1997. P. 125.

тер неопределенности. С одной стороны, «...система свободы предпринимательства [заключена между] прибылью и убытками» [12, р. 45]. Не будет преувеличением сказать, что в отсутствие неопределенности получение как выгоды, так и ущерба будет невозможным. С другой стороны, «предприятия никогда не жалуются на необычные или случайные события, которые дают огромные достижения» [Ibid.]. Отсюда можно предположить, что в ряде случаев неопределенность не столько опасна, сколько полезна для развития (в разумных дозах). Приверженность неопределенности становится в равной мере и необходимостью, и возможностью, в которых одновременно создаются две противоположности – шанс и риск заданного исхода.

Источником неопределенности согласно точке зрения монетаризма являются факторы или параметры рыночного экономического знания. Такое знание возникает из известных «банкротств предприятий, снижении выпуска продукции, растущей безработицы – все это способствует неопределенности и страху [т.е. риску. – **Прим. авт.**]» [12, р. 85]. Следовательно, с возрастанием числа подобных параметров, характеризующих рынок, увеличивается потенциальная неопределенность не только в предельных величинах, но и в естественном, если можно сказать, нормальном уровне, т.е. в том уровне неопределенности, который является средним за последнее время¹⁵. Приведенный пример М. Friedman и R. Friedman косвенно указывает на лавинообразность распространения неопределенности, когда возникающее незнание и неточность в одном создают свойственную неясность сопряженных явлений, процессов или событий. Хотя явные упоминания наличия данной особенности в работе М. Friedman и R. Friedman отсутствуют.

Заключительным моментом, на который следует обратить внимание, является обусловленность транзакционных издержек неопределенностью. Находя сходства с институциональным видением действительности, представители монетаризма поддерживают идею прямой связи роста определенности и затрат, необходимых для создания институциональной среды или приобретения информации. Точнее, транзакционные издержки являются расходами определенности. Их продуктивное и оправданное увеличение позволяет умерить воздействие неопределенности либо путем создания новых правил (вертикальное расширение) и совершенствованием старых (горизонтальное расширение), либо посредством налаживания каналов коммуникации. К. Brunner и А.Н. Meltzer справедливо подчеркивают, что снижение стоимости капитала несет неопределенность за счет снижения транзакционных издержек [10, р. 72, 73].

¹⁵ Естественный (нормальный) уровень неопределенности в представлении автора целесообразно соотносить со средним значением – математическим ожиданием, поскольку имеющиеся в научных публикациях иные альтернативы нормы (как максимального, минимального или как произвольного) не имеют в данном случае состоятельного обоснования. Если максимальное или минимальное значение неопределенности в качестве нормы отпадает в силу крайности и недопустимости каждого из них, то произвольный уровень, составляемый на основе идейной аргументации, может быть предложен в качестве естественного после оценки структурных и/или функциональных характеристик системы. Обоснование произвольного уровня является самостоятельной научной задачей, поиск решения которой крайне сложен и до настоящего момента не был представлен среди профильных публикаций.

Стоит отметить, что распространение неопределенности на рынке в контексте идей монетарной школы встречает сопротивление в виде самоорганизации. Тенденции спекулятивного разгона в массовых покупках и продажах создают существенную волатильность в непрерывной смене направлений движения, чем подмечает наличие циклов экономических спадов и подъемов. Но особенно важно, что способности к самоорганизации являются условно конечными, они вырабатываются на протяжении всего времени. Память прошлых событий создает узнаваемость случаев, где опыт восприятия и принятия решений играет одну из ключевых ролей. В силу жесткости и прочности организационной структуры системы самоорганизация поглощает лишь установленный предел неопределенности. Таким образом, К. Brunner и А.Н. Meltzer приходят к выводу, что «сильные возмущения рынка порождают убеждение, что обычные механизмы самоуправления не работают» [10, р. 260]. В то же время это не означает, что самоорганизация не проявляет себя. Напротив, сменяемость пусть даже резких спадов и подъемов уже есть результат самоорганизации. Под сомнение ставится лишь ее качество. Самоорганизация как принцип работы рынка с точки зрения монетарной школы не идеальна, но только в ней экономика может свободно развиваться.

3. Заключение. Эволюция представлений о неопределенности вкупе со своеобразным, а порой уникальным видением рациональности поведения, состояния равновесия и баланса в экономике показывает неоднозначность решений обозначенной научной проблемы. Попытки приблизиться к верному восприятию, пониманию и истолкованию неопределенности наталкиваются на множество допущений в научных теориях и концепциях, разрушающихся под гнетом критического дискурса. В них удастся выстроить линию генезиса неопределенности как экономической категории, проходящей путь от меры информации в значении неизвестности и непредсказуемости будущего, до представления о неопределенности в качестве естественного ограничителя управляемости и стабильности. Все эти проявления многогранны и противоречивы, как и источники неопределенности. По прошествии времени многие представления неоднократно подвергались нападкам и не выдерживали жесткой полемики их правомочности. К слову, и настоящее исследование не является исключением.

Литература

1. Гиггс Г. Физиократы. Французские экономисты XVIII века. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1899.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Политиздат, 1983. Т. 1.
3. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М.: Госполитиздат, 1934. Т. 4, ч. 1.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 26, ч. 1.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 26, ч. 2.
6. Маршалл А. Принципы политической экономии / пер. с англ. Р.И. Столпера, общ. ред. С.М. Никитина. М.: Прогресс, 1983.
7. Becker G.S. Nobel Lecture: The economic way of looking at behavior // Journal of political economy. 1993. No. 101.
8. Becker G.S. The economic approach to human behavior. University of Chicago Press, 1976.
9. Bohm-Bawerk E. Capital and interest. N.Y.: Brentano, 1922.

10. *Brunner K., Meltzer A.H.* Money and the economy. Issues in monetary analysis. Cambridge University Press, 1997.
11. *Fisher I.* The nature of capital and income. L.: Macmillan & Co., 1906.
12. *Friedman M., Friedman R.* Free to choose: a personal statement. Harcourt Brace Jovanovich, 1990.
13. *Galbraith J. K.* The affluent society. Houghton Mifflin Harcourt, 1998.
14. *Jevons W.S.* Richard Cantillon and the nationality of political economy // Contemporary review. 1881. N 39.
15. *Keynes J.M.* General theory of employment, interest and money. Atlantic Publishers & Dist., 2006.
16. *Malthus T.R.* An essay on the principle of population. L.: Reeves and Turner, 1878.
17. *Marshall A.* Principles of economics. 8th ed. L.: Macmillan & Co., 1920.
18. *Marshall A.* Principles of economics. Macmillan & Co., 1891.
19. *Mitchell W.C.* The processes involved in business cycles // Mitchell W.C. (ed.), Business cycles: the problem and its setting. NBER, 1927.
20. *Montchrétien A.* Traicté de l'oeconomie politique. Paris: Librairie Plon, 1889.
21. *Mun T.* England's benefit and advantage by foreign trade, plainly demonstrated. L.: Horne, 1698.
22. *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press, 1990.
23. *Quesnay F.* Évidence // Encyclopédie, Ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1756. Vol. 6.
24. *Schumpeter J.A., Nichol A.J.* Robinson's economics of imperfect competition // Journal of political economy. 1934. Vol. 42, N 2.
25. *Smith A.* The wealth of nations. L.: J. M. Dent & Sons; N.Y.: E. P. Dutton, 1910.
26. *Veblen T.* The theory of business enterprise. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1927.
27. *Veblen T.* The theory of the leisure class; an economic study of institutions. N.Y.: Macmillan & Co., 1912.
28. *Wilson C.H.* Mercantilism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963.

Bibliography

1. *Giggs G.* Fiziokraty. Francuzskie jekonomisty XVIII veka. SPb: Izd-vo O. N. Popovoj, 1899.
2. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii. M.: Politizdat, 1983. T. 1.
3. *Marks K.* Teorii pribavochnoj stoimosti. M.: Gospolizdat, 1934. T. 4, ch. 1.
4. *Marks K., Jengel's F.* Sochinenija. M.: Gospolizdat, 1963. T. 26, ch. 1.
5. *Marks K., Jengel's F.* Sochinenija. M.: Gospolizdat, 1963. T. 26, ch. 2.
6. *Marshall A.* Principy politicheskoj jekonomii / per. s angl. R. I. Stolpera, obsh. red. S. M. Nikitina. M.: Progress, 1983.
7. *Becker G.S.* Nobel Lecture: The economic way of looking at behavior // Journal of political economy. 1993. N 101.
8. *Becker G.S.* The economic approach to human behavior. University of Chicago Press, 1976.
9. *Bohm-Bawerk E.* Capital and interest. N.Y.: Brentano, 1922.
10. *Brunner K., Meltzer A.H.* Money and the economy. Issues in monetary analysis. Cambridge University Press, 1997.
11. *Fisher I.* The nature of capital and income. L.: Macmillan & Co., 1906.
12. *Friedman M., Friedman R.* Free to choose: a personal statement. Harcourt Brace Jovanovich, 1990.
13. *Galbraith J.K.* The affluent society. Houghton Mifflin Harcourt, 1998.
14. *Jevons W.S.* Richard Cantillon and the nationality of political economy // Contemporary review. 1881. No. 39.

15. *Keynes J.M.* General theory of employment, interest and money. Atlantic Publishers & Dist., 2006.
16. *Malthus T.R.* An essay on the principle of population. L.: Reeves and Turner, 1878.
17. *Marshall A.* Principles of economics. 8th ed. L.: Macmillan & Co., 1920.
18. *Marshall A.* Principles of economics. Macmillan & So., 1891.
19. *Mitchell W.C.* The processes involved in business cycles // Mitchell W.C. (ed.), Business cycles: the problem and its setting. NBER, 1927.
20. *Montchrétien A.* Traicté de l'oeconomie politique. Paris: Librairie Plon, 1889.
21. *Mun T.* England's benefit and advantage by foreign trade, plainly demonstrated. L.: Horne, 1698.
22. *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge University Press, 1990.
23. *Quesnay F.* Évidence // Encyclopédie, Ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1756. Vol. 6.
24. *Schumpeter J.A., Nichol A.J.* Robinson's economics of imperfect competition // Journal of political economy. 1934. Vol. 42, N 2.
25. *Smith A.* The wealth of nations. L.: J. M. Dent & Sons; N.Y.: E. P. Dutton, 1910.
26. *Veblen T.* The theory of business enterprise. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1927.
27. *Veblen T.* The theory of the leisure class; an economic study of institutions. N.Y.: Macmillan & Co., 1912.
28. *Wilson C.H.* Mercantilism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1963.